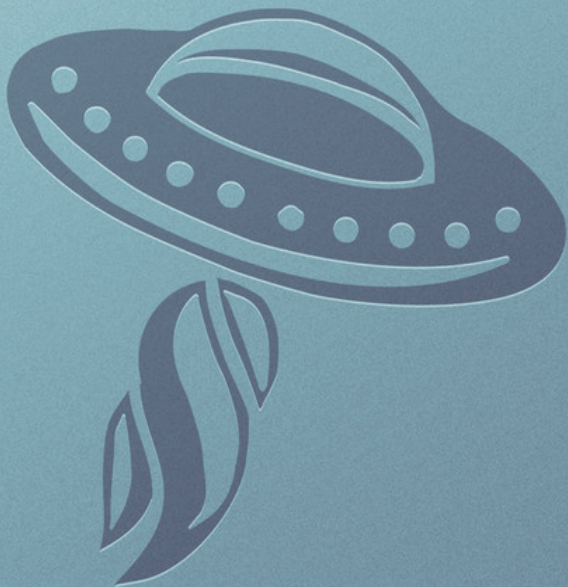

Сергей Герасимов

Портрет художника в зрелом возрасте

Сергей Владимирович Герасимов
Портрет художника
в зрелом возрасте

Авторский вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156406

Содержание

Портрет художника в зрелом возрасте

4

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Сергей Герасимов

Портрет художника в зрелом возрасте

Я начал писать раньше, чем научился читать. Первый мой рассказ был напечатан мною еще тогда, когда я не знал букв, кроме, может быть, буквы А. То есть, мне было тогда около трех лет. Я прекрасно помню тот день и все обстоятельства этого происшествия, как теперь оказалось, знаменательного. Это был кабинет: нечто подобное тому, что теперь называют офисом. За окнами была зима, я хорошо помню, что была именно зима, потому что свет из окон был зимним.

Зимний свет ни с чем не спутаешь – в нем совсем особенная хмурая белизна, одновременно напоминающая и серость и один из множества оттенков сиреневого.

Человеку с воображением легко представить то, о чем я говорю: достаточно посмотреть на потолок в побелке (если побелка свежая) и вообразить, что этот оттенок начал светиться. Таков цвет зимы, и таков был цвет того дня. Окна в кабинете были занавешены простынями до половины, снизу, и я не мог видеть настоящей зимы на улице, но свет, проникавший сквозь простыни, был, несомненно, зимним. В кабинете стояло несколько столов, покрытых бледными скатертя-

ми, напоминающими те самые простыни, которые прикрывали окна; я не помню что было на других столах (те предметы были совершенно непонятны мне, непонятны, а потому неинтересны), зато на одном из столов была печатная машинка. Я взобрался на стул – прекрасно ощущаю сейчас его чернокожее, чуть липкое сиденье – и оказался у печатной машинки. По некоему капризу судьбы в машинку был вставлен чистый лист. Не знаю откуда, но в то время я уже знал, для чего служат печатные машинки. Я знал тогда и как нужно писать. Я имею ввиду не «писать буквы и слова», а именно «писать», в высочайшем значении этого слова. Наверное, такое знание заложено в ребенке от рождения, как в маленьком Моцарте была заложена будущая музыка и как заложено в семени будущее дерево, со всеми его ветвями и даже со множеством поколений будущих деревьев. Я писал свой первый рассказ не тем тяжелым, неживым и довольно примитивным стилем, который вы видите сейчас перед собою (можете отметить, как часто я путаюсь и ошибаюсь), – тогда мой стиль был безупречен.

Я решил писать о том, что я знаю, а знал я мало. Я выбрал темой рассказа жизнеописание нянечки нашего детского сада – особы довольно интересной, о которой сейчас уже не могу припомнить ничего, кроме имени: Марья Ивановна. Имя классическое. Тогда я ясно сознавал, что писать нужно только о том, что хорошо знаешь. Позже я забыл это правило и стал писать лишь то, чего не знаю – это случилось тогда,

когда я начал разучиваться писать.

Для рассказа мне хватило одной страницы. Я даже не успел закончить страницу, потому что пришли взрослые и нарушили мое уединение. Тогда я понимал, что для того, чтобы истина зазвучала, ей требуется тишина. Нет, не тишина, а нечто совсем другое. Но я не могу сейчас назвать нужное слово – потому что с той поры прошло лет сорок и я нужное слово позабыл. Но я помню, что помнил его.

Взрослые вынули мой лист из машинки и спросили о чем я писал.

– О Марье Ивановне.

– А что, Марья Ивановна – бухгалтер?

Я тогда не знал значения слова «бухгалтер». Да и как я мог его знать, если всего за несколько зней до того отец объяснял мне значение слова «топор» и не смог объяснить – я еще никогда не видел топора. Хорошо помню его жесты и вибрирующее «Р» в глубине его груди – он произносил: то-поРРР, РРРубить, дРРРова, но из всего объяснения я запомнил только рычание новой и интересной для меня буквы.

– Бухгалтер – это тот, кто пишет много цифр, – объяснили мне взрослые, – а у тебя на листочке одни цифры, букв почти нет.

Я посмотрел на листок и, в самом деле, увидел на нем много цифр. Я уже знал цифры. Взрослые не смогли прочесть мой рассказ, он был написан слишком непонятно. Я тоже не смог бы прочесть его, просто потому, что не умел читать.

Так что никто и никогда не прочтет жизнеописания славной нашей Марьи Ивановны.

– Тебе нужно выучить буквы и научиться писать понятнее, – посоветовали взрослые. Взрослые тогда были единой недифференцированной общностью, вроде нестрашного Горыныча о тысяче голов и лишь спустя несколько лет Горыныч начал распадаться на отдельные тела. Отдельные тела от него отпочковывались – родители, родственники, некто, приходящий в гости, первая учительница для которой я проткнул свою ладонь иглой (чтобы показать, как я не боюсь боли) и остальные. Но чем больше людей отпочковывались от Горыныча, тем обширнее становился он сам – теперь он вырос в громадное человечество, а отдельные его представители либо приобрели нестираемую индивидуальность, либо бегают вокруг как тараканы, изредка припочковываясь к общему телу и снова отпочковываясь от него. Иногда к общему телу прилипаю даже я сам, например, участвуя в каком-нибудь затхлом собрании по поводу чего-то совсем ненужного; или создавая хорошо продающийся продукт, который совершенно неотличим от продукта, сотворяемого моими братьями.

Итак, мне посоветовали научиться писать попонятнее. С самого начала я был слишком непонятен.

Я не последовал этому совету, потому что знал – с Горынычем шутки плохи.

Вот опять написал неверно. Шутки с Горынычем как раз

хороши, но когда делаешь что-нибудь серьезное, то должен слушаться именно себя. Только себя. Одного себя. Самого себя. Никого, кроме себя. И, главное, – всего себя. Последнее как раз труднее всего. Как только ты послушаешься советов того громадного тела, которое простирается за горизонты, а тебе оставило небольшую площадку свободного пространства – тело становится клейким. Оно выделяет липкое и сладкое вещество.

От этого вещества пьянеешь и забываешь о главном. Забываешь даже о том, что такое главное. И забываешь о том, что главное вообще существует. Большое тело принимает тебя с удовольствием и с удовольствием дает новые советы; ты подчиняешься им, тебе становится все слаще и все спокойнее, ты прилипаешь все вернее и постепенно срастаешься с ним, не чувствуя при этом никакой потребности вырваться. Если же ты делаешь что-то серьезное, не слушая советов, то обычно получается чепуха. Но ты никогда не узнаешь, что у тебя получилось, потому что все сделанное тобою будет названо чепухой. Даже если Горыныч похвалит сделанное тобою, то, увы, нельзя верить его похвале – ведь он бесконечно слеп. Я не последовал совету и не научился писать понятнее. Мне пришлось просто прекратить писать на несколько лет, до тех пор, пока я не выучил буквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.